

Н.Р. Байжанова

Новосибирский государственный университет

О вариативности алтайских паремий в дискурсе¹

Цель этой статьи – выявить вариативные особенности алтайских пословиц и поговорок в речи. Вопрос о варьировании паремий является частью общей проблемы варьирования устных фольклорных текстов. В фольклористике термин ‘текст’ обозначают разные его формы: письменный и устный. Фольклорный текст – это и дискурс одновременно. К.В. Чистов по этому поводу пишет: «Основная форма бытия фольклорного текста устная. Фиксация его – более или менее случайный эпизод, очень важный для фольклориста, но не играющий существенной роли в истории фольклора» [Чистов, 2005, с. 54]. Любой фольклорный текст является «продуктом» речи и он должен рассматриваться как итог речемыслительной деятельности его создателя, воплощающего особый замысел в его направленности на определенного слушателя /читателя.

Естественной формой бытования паремий является речь, или дискурс. Изучение алтайских паремий без обращения к их речевому контексту затрудняет исследование таких вопросов, как устойчивость и стабильность пословичной традиции, изменчивость содержания и формы этих текстов во времени. Изучение паремий в дискурсе позволяет исследователю зафиксировать новые пословицы и сопоставить их с записями, сделанными предшественниками, и выявить корпус текстов устойчиво сохраняющихся во времени, а также изменения, произошедшие с теми или иными паремиями.

Таким образом, наличие у пословиц письменной и устной форм позволяет нам в функциональном плане изучать их в двух взаимосвязанных между собой аспектах: 1) динамический аспект, исследующий их функционирование в речи; 2) статический аспект, отражающий стабильные инвариантные особенности этих текстов. Анализ дискурсивных особенностей пословиц предполагает их изучение в динамике, в речи, в тех условиях, когда конкретизации подвергаются все почти «скрытые» стороны текста.

Алтайские пословицы и поговорки, как и любые другие фольклорные тексты, обладая стереотипной структурой (для них характерна двучастность, симметричная конструкция, определенная ритмическая модель), варьируется в речи по определенным правилам. При этом у них может видоизменяться и форма, и содержание.

При использовании текста в речи исполнитель может сознательно видоизменить текст в зависимости от ситуации. Поскольку минимальные фольклорные тексты: пословицы и поговорки – воспроизводятся обычно в разовом контексте (монологическом или диалогическом), то каждое их воспроизведение является одновременно адаптацией к этому разовому контексту. Вариативность этих текстов можно объяснить и определенными свойствами человеческой памяти. Г.Ф. Благова правильно замечает, что у пословичного текста существуют «стабилизаторы», т.е. опорные слова, и средний смысл пословицы; варьирование пословиц зависит

¹ Статья подготовлена при финансовом содействии гранта Президента РФ для поддержки ведущих научных школ РФ НШ-8418.2006.6.

от того, насколько точно запомнил их субъект речи. Как правило, точному запоминанию подвергается основная ядерная смысловая часть, периферийная часть, где пословичное предложение оформляется грамматически, не запоминаются, и поэтому в речи образуются варианты [Благова, 2000]. Этот средний смысл паремий большинство исследователей называют «инвариантный смысл», другие логемой [Савенкова, 2002], когнитемой [Иванова, 2003]. Системное изучение нашего материала показывает устойчивость таких инвариантов при вариативности паремий в речи. Они заключают в себе концептуальные (понятийные) знания народа. И передача этих знаний во времени тесно связана с памятью этноса, его ментальностью, поэтому изучение паремий в дискурсе предполагает учет их когнитивного аспекта.

Наши наблюдения за алтайскими паремиями в дискурсе показывают, что они в основном варьируются на их поверхностном уровне: на орфоэпическом, лексическом, морфологическом, синтаксическом и композиционном. Это может быть связано как с индивидуальными способностями памяти исполнителей, с тем, как они запомнили ту или иную пословицу, так и с этногрупповыми, диалектными особенностями. Рассмотрим эти разновидности варьирования паремий более подробно.

При лексическом варьировании возникают, как правило, синонимические отношения между варьирующимися лексемами. Варьирование пословичных текстов на поверхностном уровне не приводит к изменению их семантического плана. Приведем примеры: 1) *Жаман ат семирзе, жанына кѳнѳк буулатпас, / Жаман кижжи байыза, жанына айыл тургуспас* [2; 3] – Худой конь ожиреет – не даст к бедру ведро привязать, / Худой человек разбогатеет – не даст рядом юрту поставить; 2) *Жаман ат тойынза, жалмажына кѳнѳк буулатпас, / Жаман кижжи жаранза, жанына айыл тургуспас* [9] – Плохой конь ожиреет – не даст к седлу ведро привязать, / Плохой человек разбогатеет – не даст рядом юрту поставить; 3) *Локту кижжи тойынза, жанына айыл отургуспас, / Жаман тору семирзе, жалмажына борбуй буулатпас* [10] – Бедный человек насытится – рядом юрту не даст поставить, / Худой конь ожиреет – к бедру бурдюк не даст привязать.

В последней пословице употреблены диалектные слова: *тору* ‘конь’, *борбуй* ‘бурдюк’, сделанный из кожи животного, традиционная домашняя утварь, и в современности сохраняющаяся в хозяйстве теленгитов.

Многие пословицы, встречающиеся в речи носителей южных диалектов Алтая, присутствуют в речи носителей северных диалектов: в челканском, кумандинском. Различия вариантов проявляются в фонетических и лексических особенностях, которые существенно не влияют на смысл пословиц. Например: *алт. Жылмай сууда балык бар, / Жылмайганда кылык бар* [2; 3] – В текучей реке рыба есть, / У двуличного норы есть; *Жылмай сууда балык бар, / Жылмадыкта кылык бар* [11] – В текучей реке рыба есть, / У двуличного норы есть. *челк. Тьылыг сугде балык кѳп, / Тьылвайганда кылык кѳп* – В теплой воде рыбы много, / У тихони характеру много. Согласно *г* в челканском диалекте соответствует в алтайском долгий согласный *уу*, представляющий собой результат стяжения согласного *г* с соседним гласным (*таг* – *туу*, *суг* – *суу*, *тьылыг* – алт. *жылу*). М.Ч. Чумакаева отмечает, аналогичное же явление наблюдается в диалектах туба, кумандинском, в тувинском и хакасском языках [Чумакаева, 1988, с. 4]. Вариант этой пословицы присутствует в пословичном фонде тувинцев, где согласная *г* также сохранена: *Чымааргайда ужур-ла бар, / Чылбай сугда байла v-на бар*. – В теплом омуте мальки водятся, / В тихоне что-то таится [5]. Это свидетельствует либо о близких контактах этих соседних этносов, либо о существовании в прошлом общетюркского паремиологического фонда.

Приведем пример грамматического варьирования паремии: *Мажак жок арба кавкайар* [3] – Без колосьев ячмень торчит; *Мажак жок арба кавкайар* – Ячмень

без колосьев торчит. Здесь различаются формы глагольных сказуемых: в первом примере дана синтетическая форма, во втором – аналитическая форма (*кавкайар – кавкайып калар*).

При варьировании пословицы изменения могут происходить одновременно на фонетическом (орфоэпическом), лексическом и грамматическом уровнях: *Кижй тоны кирчи*, / *Кижй ады терчи* – Чужое пальто маркое, / Чужой конь потливый [4]; *Кижй кийми кирчил*, / *Кижй малы терчил* [8] – Чужая одежда маркая, / Чужой конь потный; *Кижй кийми кирлевкей*, / *Кижй ады терлевкей* [6] – Одежда человека маркая, / Лошадь человека потная. В этих примерах присутствуют следующие лексические замены, различающиеся родо-видовыми отношениями: *тоны* – *кийми* ‘пальто’ – ‘одежда’; *ады* – *малы* ‘конь’ (‘скот’). Отличаются формы сказуемых, выраженных прилагательными (*кирчи* / *кирчил* / *кирлевкей*). На уровне орфоэпии варьируются *кийми* / *кийими*.

При синтаксическом варьировании пословицы изменения могут касаться синтаксических конструкций, например: *Кѳс кичѳ*, *тѳбѳ терев* – Глаза маленькие, дно их глубокое [4]; *Кѳзи кичинек те болзо*, / *Je тѳби оны терев* [3] – Хотя и глаза маленькие, / Но дно их глубокое.

При композиционном варьировании пословицы может произойти перестановка частей двухчастной пословицы, например: *Байда в једер*, / *Майда в тамар* – От богатого достанется, / От масла капнет [4]; *Ўстев тамар*, / *Байда в једер* – С масла капнет, / От богатого достанется [13].

Компрессия, или сокращение объема пословицы, характерна для параллелизмов. Как известно, в свое время А.Н. Веселовский рассматривал параллелизм, с одной стороны, как материал для воссоздания общей картины развития поэтического мышления, а с другой – как видоизменяющуюся композиционную форму, служащую основой возникновения ряда других изобразительно-выразительных средств (метафор, символов) [Веселовский, 1989]. Параллельные синтаксические структуры в пословице могут подвергаться компрессии. При утрате второй части параллелизма образное значение переносится на его первую часть, таким образом, происходит метафоризация. В таких пословицах вся смысловая нагрузка переходит на образную ее часть. Так, при сопоставлении алтайских и тувинских пословиц оказалось, что в алтайских одночастных пословицах произошла утрата второй части пословицы. При этом произошло сокращение объема пословиц, компрессия избыточной информации:

алт. <i>Кертеш ле неме тѳѳ эмес</i> [1]	Не всякий горбатый – верблюд.
тув. <i>Хертеш-ле чуве теке эвес</i> ,	Не всякий горбатый – верблюд,
<i>Кемниг-ле чуве мен эвес</i> [5]	Не всякий виноватый – я.
алт. <i>Барсуk калјанын бодонбос</i> [1]	Барсуk своей лысины не замечает.
тув. <i>Боду бодун билинмес</i> ,	Плохой своих недостатков не знает,
<i>Барзуk калчанын билбес</i> [5].	Барсуk о своей лысине не знает.

Приведем пример развертывания пословицы за счет введения дополнительных деталей или дополнительной информации: *Чечени в ле чет кезип болбозы в* [2] – Своим остроумием лиственницу не срубишь; *Чечени в ле чет кеспези в*, / *Чегив ле туу ашпазы в* – Своим остроумием молодую лиственницу не срубишь, / Своей добпорядочностью гору не перевалишь.

Появление нового лексического компонента в пословице может привести к изменению всего смысла пословицы. В этом случае следует говорить уже не о вариантах, а о самостоятельных единицах, функционирующих в разных ситуациях. При этом происходит семантическое варьирование, например: *Кижй бѳткенде*, *атту болор*, / *Кийик бѳткенде*, *мѳѳсту болор* [7] – Если человек рождается, будет иметь имя, / Если зверь рождается, будет иметь рога; *Кийик болзо*, *тѳктѳ болор*, /

Кижж болзо, јөнтү болор – Зверь должен иметь шерсть / Человек должен быть дружелюбным [8]. В первой пословице говорится о том, что всякий человек должен быть с именем, во второй – о том, что человек должен уметь соглашаться. Здесь произошло изменение смысла пословицы за счет слова *jöñtү* ‘дружелюбный’. Данный пример показывает, как изменение семантики пословичных текстов в дискурсе может повлечь за собой изменение их прагматической функции.

Изучение паремий в дискурсе позволяет выявить также их контекст употребления. Это можно увидеть на примере паремий, связанных с традициями материнского родового строя, существовавших в прошлом у всех тюркских народов (шорцев, тубаларов, телеутов, алтайцев и т.д.). По традиции важную роль в воспитании племянника играл дядя со стороны матери. При достижении совершеннолетия он обязан был сделать своему племяннику подарок. Какой именно подарок должен был быть – это зависело от материального состояния дяди. Племянник мог даже через суд зайсанов отобрать у своего дяди его скот. Так, по этому поводу употреблялась пословица: “*Jeen kelgenče, jetti börү kelzin* [Дыренкова, 1937, с. 28] – Чем племянник придет, / Пусть лучше семь волков придут (перевод наш). В настоящее время поговорки об отношениях дяди и племянника также присутствуют в языке старшего поколения алтайцев, например: *Јети јеен келзе, јети кой јиир*, / *Јети бөрү келзе, бирүни јиир* [14] – Придут семь племянников, семь овец съедят, / Придут семь волков, одного съедят; *Јееним келгенче, јети бөрү келзе торт* [15] – Чем придет племянник мой, пусть лучше семь волков придут. Свой изначальный контекст эти пословицы утратили, поскольку исчезли сама традиция. Данный факт свидетельствует о том, что паремии, связанные с некоторыми обычаями и обрядами, существовавшими в прошлом и утраченными ныне, также забываются или, приспосабливаясь к современным условиям, видоизменяются, сужают свои значения.

Итак, исследование паремий в дискурсе позволяет выявить степень сохранности традиции, передаваемость этих текстов во времени, а также контекст их употребления. Описывая вариативность алтайских паремий, мы пришли к выводу о том, что народные знания, отраженные в этих текстах, сохраняются благодаря устойчивости их смыслов. Варьированию подвергается лишь поверхностный уровень этих текстов.

Литература

- Благова Г.Ф. Пословица и жизнь. Личный фонд русских пословиц в историко-фольклористической ретроспективе. М., 2000.
- Веселовский А.Н. Психологический параллелизм и его формы в отражениях поэтического стиля // Историческая поэтика. М., 1989.
- Дыренкова Н.П. Пережитки материнского рода у алтайских тюрков // Советская этнография. 1937. № 4.
- Иванова Е.В. Пословичная концептуализация мира (на материале английских и русских пословиц): Дисс. на соиск.уч.ст. ... докт. филол. наук. СПб., 2003.
- Савенкова Л.Б. Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты. Ростов-на-Дону, 2002.
- Чистов К.В. Текст письменный – текст устный // Фольклор. Текст. Традиция. Сборник статей. М., 2005.
- Чумакаева М.Ч. Введение // Алтайский фольклор. Горно-Алтайск, 1988.

Список источников

- Алтайские пословицы (Алтай кеп-сөстөр) / Сост. Л.В. Кокышев. Горно-Алтайск, 1959.

- Алтайские пословицы и поговорки / Сост. С.С. Суразаков. Горно-Алтайск, 1956.
- Алтайские благопожелания (Алтайдын алкыштары) / Сост. Б.Я. Бедюров. Горно-Алтайск, 1985.
- Вербицкий В.И. Алтайские инородцы. М., 1893.
- Тувинские пословицы и поговорки / Сост. М. Хадаханэ, О. Саган-Оол. Кызыл, 1966.
- Тыдыков А. Сказки байатов (Байат чорчоктор). Горно-Алтайск, 1994.
- Улагашев Н.У. Кокин-Эркей // Алып-Манаш: Алтайские героические сказания. Горно-Алтайск, 1985.
- Черноева Н. Баадай Кара. Алтай баатырлар. Горно-Алтайск, 1964.
- Архивные материалы Института алтаистики (далее – ИА) Республики Алтай (далее – РА). ФМ 1955 г.
- Архивные материалы ИА, записи 1984 г. К.И. Максимова – носителя телеутского диалекта. ФМ 359.
- Архивные материалы ИА, записанные К.Е. Укачиной в 1985 г. в с. Белтир. Инф. Саблакова Т., Барбачакова Л.Б., Попошева К.А. ФМ 377.
- Архивные материалы ИА, записанные В.П. Ойношевым в с. Сугаш в 1988 г. Инф. Иркитова Д.
- Полевая запись автора 2004 г. Инф. Белешева Д., с. Хабаровка Онгудайского района РА.
- Полевая запись автора 2004 г. Инф. Емекеева Э.Н., с. Хабаровка Онгудайского района РА.
- Полевая запись автора 2004 г. Инф. Сартакова С.И., с. Улаган Улаганского района РА.
- Полевая запись автора 2005 г. Инф. Кудачинова Ч.С., с. Кокаря Кош-Агачского района РА.
- Полевая запись автора 2006 г. Инф. Тадышев Б., с. Балыктуюль Улаганского района РА.
- Полевая запись автора 2006 г. Инф. Тадышева М.С., с. Улаган Улаганского района РА.